

Пси-функция по-советски: субституты психоанализа в позднем СССР

Роман Владимирович Мамин — магистр, факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Пари Сите; Париж, Франция; email: roman.mamin@etu.u-paris.fr

ORCID: 0009-0005-1772-531X

Ключевые слова: психоанализ, пси-функция, советская история, фрейдизм, критические исследования психоанализа

В статье рассматривается возможность применения концепта «пси-функции» Мишеля Фуко для анализа позднесоветских психотерапевтических теорий и практик. В рамках критического подхода автор исследует появление альтернатив психоанализу на фоне его официального запрета в СССР, обращаясь к понятию «пси-функции», которое традиционно используется для описания дисциплинарной роли психологических практик в западных обществах и их связи с «дискурсом истины». Утверждается, что в СССР получили развитие другие теории, такие как «школа установки» Узнадзе и «патогенетическая психотерапия» Мясищева: эти подходы, основанные на физиологических и социально-психологических трактовках психики, не признавали психоанализ, но в некоторых аспектах предлагали аналогичные механизмы объяснения человеческой субъективности. Уникальность исследования заключается в применении концепта «пси-функции» к советскому контексту. Автор анализирует три ключевые советские теории — школу установки, каузальный анализ и патогенетическую психотерапию, демонстрируя, как в них находили свое выражение идеи о бессознательном и стремление свести проблемы субъекта к семейному диспозитиву. Таким образом, в статье подчеркивается парадоксальная роль психоанализа в СССР: официально отвергнутый, он тем не менее оставался актуальным через теории, внешне не связанные с фрейдизмом. Автор предлагает пересмотреть восприятие постсоветского психологического пространства

и утверждает, что благодаря позднесоветским пси-теориям общество и эксперты были готовы воспринять практики западных психологических экспертиз, что и предсказывал британский социолог Николас Роуз в начале 1990-х годов. Статья подготовлена при поддержке стипендиальной программы SMARTS-UP.

СИБИЛЛА ЛАКАН, СТАРШАЯ ДОЧЬ ЖАКА ЛАКАНА, в своих мемуарах, посвященных фигуре отца, вспоминала, что в 1960-е годы культурная жизнь Парижа была насквозь пропитана психоанализом¹. Поэтому неудивительно, что примерно в это же время ряд французских исследователей и философов обратили свое внимание, с одной стороны, на эпистемологическое устройство психоаналитической теории, а с другой — на социальный аспект психоаналитической практики². В стороне не остался и Мишель Фуко, который в 1973–1974 годах в стенах Коллеж де Франс прочел курс лекций «Психиатрическая власть». В отличие от более ранней работы «История безумия в классическую эпоху» (1961), в ходе этого лекционного курса Фуко сосредоточился на отношениях власти, прошивающих пространство психиатрической лечебницы³. И хотя из этого следует, что основное внимание философа было обращено на психиатрию, Фуко критически рассматривал и психоаналитический проект Зигмунда Фрейда. Так, французский философ предложил новый концепт для работы с совокупностью «дисциплинарных субститутов семьи», понимая под этим «не только дискурс, но и институт, и самого психологического индивида», формирующегося на излете XIX века. Эту совокупность дисциплинарных диспозитивов, отсылающих к семье, Фуко назвал «пси-функцией»⁴. И если в нее был включен конгломерат дисциплин — психиатрия, психокриминология, психотерапия, психопатология и т. д., — то за психоанализом философ признавал статус «дискурса истины», который теория Фрейда приобрела с середины XX века⁵.

¹ Lacan S. Un père, puzzle / S. Lacan. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 67.

² См., напр.: Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с. – ISBN: 978-5-9757-0192-3; Castel R. Le psychanalisme / R. Castel. – Paris: Francois Maspero, 1973. – 281 p.

³ Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебному году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с. – ISBN 978-5-02-026920-0.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 107.

Фуко лишь очертил проблематику пси-функции и затронул ряд актуальных вопросов, связанных с изучением пси-дисциплин, оставив последователям не стройную теорию, а лишь определенные методологические ориентиры. Так «пси-функция», а вместе с ней и иные «пси»-концепты, стали частью аналитического инструментария исследователей, заинтересованных в критических исследованиях психотерапии и психоанализа. Этот критический пафос изначально был направлен на западные общества, в то время как Советский Союз воображался местом, где Иван Павлов с его идеями о физиологических рефlekсах — несовместимыми, на первый взгляд, с либеральными пси-практиками и теориями — занимал место Фрейда, предлагая иные формы субъективности. Иначе говоря, если во Франции дискурсом истины являлся психоанализ, то павловская физиология якобы функционировала в этом же качестве в советской науке — и, шире, в обществе — предлагая исчерпывающую модель для описания, объяснения и конструирования модели психики человека. Исходя из этой перспективы британский социолог Николас Роуз, наблюдавший по ту сторону границы за крушением советского проекта, в 1992 году предсказывал распространение в странах Восточной Европы психологической экспертизы, которая на тот момент уже в течение пятидесяти лет являлась неотъемлемым инструментом в формировании капиталистического «self»⁶. Этот комментарий Роуза выглядит симптоматичным, поскольку он отказывает пси-функции в существовании в каком-либо качестве в советской науке и обществе.

В действительности же психоанализ, фактически запрещенный в СССР в 1930-е годы, не исчез вместе с критикой Фрейда: его идеи маскировались, перерабатывались и, вместе с тем, использовались на практике. На примере трех позднесоветских теорий — школы установки, каузального анализа Абрама Моисеевича Свядоща и психогенетической психотерапии Владимира Николаевича Мясищева — я предлагаю рассмотреть некоторые субституты психоанализа, выполняющие (по крайней мере потенциально) в позднесоветском обществе ту же функцию, что и психоанализ — в западных. Перед этим будут сделаны подготовительные шаги: во-первых, описаны динамичные и противоречивые взаимоотношения Фуко и фрейдизма, а во-вторых, изложено развитие идей философа в работах его последователей.

⁶ Rose N. Engineering the Human Soul: Analyzing Psychological Expertise / N. Rose // Science in Context. – 1992. – Vol. 5. No 2. – P. 351.

Использовать и критиковать

Для описания интеллектуальных отношений Мишеля Фуко и Зигмунда Фрейда принято заимствовать из психоаналитического языка термин «амбивалентность»⁷. Это связано с тем, что на протяжении всей жизни Фуко пересматривал свое отношение к психоанализу. Если в «Словах и вещах» (1966) французский интеллектуал еще благосклонно относился к мысли Фрейда, видя в сочленении структуралистской этнографии и психоанализа возможный эпистемологический прорыв⁸, то в первом томе «Истории сексуальности» (1976) Фуко — в унисон «Анти-Эдипу» (1972) — уже обвинял Фрейда в сведении субъекта к семейной модели⁹.

Эта изменчивость в интерпретации стала причиной многочисленных споров и попыток непротиворечивого объединения фуколядианского и фрейдистского подходов. Так, например, Жак Деррида настаивал на том, что Фуко, несмотря на всю высказанную критику, находился под глубоким влиянием психоаналитической теории, что отразилось на его подходе. Джудит Батлер определила свои методологические позиции как находящиеся где-то между психоанализом и фуколядианством. В то же время Хьюберт Дрейфус настаивал на категорической невозможности интеллектуального скрещения этих двух подходов¹⁰. Как бы то ни было, психоанализ несколько раз попадал в мишень критического анализа Фуко.

В «Психиатрической власти» философ установил, что логика дисциплинарных диспозитивов в течение XIX века все интенсивнее отсылала к семье¹¹. Иначе говоря, пси-функция «связывала недисциплинируемый характер индивида с отсутствием, бессилием семьи»¹². В свете этого психиатрия как дисциплина и практика была сведена к ряду процедур, главной задачей которых являлась «рефамилизация»

⁷ Kelly M. Foucault on Psychoanalysis: Missed Encounter or Gordian Knot? / M. Kelly // Foucault Studies. – 2020. – No 28. – P. 96.

⁸ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: A-cad, 1994. – 408 с. – ISBN: 5-85962-021-7.

⁹ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с. – ISBN 5-85374-006-7.

¹⁰ Kelly M. Foucault on Psychoanalysis: Missed Encounter or Gordian Knot? / M. Kelly // Foucault Studies. – 2020. – № 28. – P. 96–119.

¹¹ Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебному году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – С. 105–107.

¹² Там же.

индивида — возвращение субъекта в семейный порядок. Власть такого рода, по мысли Фуко, проникла во многие институты современности — в школу, тюрьму, на фабрику, в армию, где формировались специфические ответвления психологии (психопедагогика, криминология, психология труда и т. д.)¹³. Продолжая рассуждать в рамках этой же парадигмы, Фуко без какого-либо удивления отмечал, что психоанализ — «самый семейный из всех психологических дискурсов», основания которого покоятся на трагедии Эдипа — начиная с середины XX века функционирует «как дискурс истины», претендующий на анализ всего общества, а не только отдельно взятого субъекта в кушетке¹⁴.

Во многом изначально мыслимый как «контр-психиатрический» проект, психоанализ в итоге обнаружил в себе признаки психиатрической власти, которые выделил Фуко: «закон власти другого, особый статус речи врача, закон идентичности, обязательность анамнеза, стремление вытравить безумное желание, составляющее реальность безумия, проблема денег и т. д.»¹⁵. Врач — субъективность которого теоретизируется Фрейдом с помощью концептов «перенос» и «контрперенос» — не лишается своей власти, но наделяется правом на интерпретацию всего сказанного пациентом, впрочем, как и несказанного. Таким образом, психоанализ, если верить Фуко, представляет собой не альтернативу, а лишь один из элементов психиатрической власти и пси-функции.

Идеи французского философа о пси-функции, прошивающей институты модерности, а также об особой роли психоанализа впоследствии развивались исследователями, в фокусе внимания которых оказывалось устройство пси-знания и пси-практик в современных западных обществах. Так, британский социолог Николас Роуз связывал становление неолиберальной правительности с распространением психологической экспертности, которая, по мнению Роуза, делает характеристики индивида пригодными для вычисления, утверждает приоритет автономности и свободы, организует легкоуправляемые интересубъективные пространства¹⁶, и, наконец, предоставляет

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, С. 222.

¹⁶ Для Роуза влияние психологической экспертизы не заканчивается на индивидуализации субъекта, одновременно с этим пси-функция пронизывает «коллективное существование» (будь это рабочий коллектив или школьный класс), делая его исчисляемым с помощью инструментов измерения общественного мнения или психодинамической психологии масс.

правительствам этико-терапевтические обоснования для их действий¹⁷. Роузовский анализ пси-функции во многом продолжает линию Фуко, смещая, однако, акцент на современный режим правительственности и актуальные способы субъективации индивидов. В этом контексте приведенные в начале статьи слова об ожидаемых изменениях в восточноевропейских обществах маркируют разрыв, указывая на то, что, по мнению Роуза, пси-техники и пси-теории не оказывали значительного влияния на советскую, а также, в более широком смысле, на социалистическую модерность.

Из иной перспективы подходит к проблеме британский психолог Иан Паркер, который ввел концепт «дискурсивный комплекс» для исследования места теории Фрейда в современной культуре. Согласно Паркеру, психоанализ, с одной стороны, предоставляет дискурсивный ресурс для организации субъективности, а с другой — сам претендует на описание и анализ современного субъекта. Такая двусторонняя конфигурация дискурсивного комплекса работает на манер самоисполняющегося пророчества: психоанализ так глубоко пророс в современность, что его логика определяет устройство социального, делая возможной их психоаналитическую же интерпретацию¹⁸. Таким образом, психоаналитическая теория имеет признаки классической идеологии: она приводит к эссенциализации основных пси-понятий (таких как «бессознательное», «комплекс жертвы», «невроз» или «избегающий тип привязанности») и практик, скрывая контекст их появления и историю развития, а также придавая мета-характер психоаналитическому высказыванию.

Как уже было сказано, Мишель Фуко, Николас Роуз и Иан Паркер в своем критическом пафосе сосредотачиваются преимущественно на западных обществах, в то время как русскоязычные социальные исследователи постепенно начинают фиксировать и анализировать схожие пси-изменения в постсоциалистических контекстах¹⁹. Предполагается, что распад Советского Союза и коммунистического блока привел к трансферу неолиберальных западных моделей на «Восток»,

¹⁷ Rose N. Engineering the Human Soul: Analyzing Psychological Expertise / N. Rose // *Science in Context*. – 1992. – Vol. 5. No 2. – P. 351–369.

¹⁸ Parker I. Discourse Analysis and Psychoanalysis / I. Parker // *British Journal of Social Psychology*. – 1997. – Vol. 36. – No 4. – P. 479–495.

¹⁹ См., напр.: Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране / Ю. Лернер // *Laboratorium*. – 2011. – № 1. – С. 116–137; Ты хочешь поговорить об этом? Новая психологическая культура в постсоветской Беларуси и Украине / Т. Щитцова (сост.). – Вильнюс: ЕГУ, 2014. – 358 с. – ISBN 978-9955-773-78-8.

однако более тщательный взгляд на позднесоветскую историю, где для психоанализа — запрещенного по идеологическим причинам — нашлись «социалистические» альтернативы, поможет нюансировать наши представления о становлении психологического субъекта на постсоветском пространстве.

(Не)советский психоанализ

В 1968 году в издательстве «Медицина» тиражом в десять тысяч экземпляров вышла монография «Проблема бессознательного (О неосознаваемых формах высшей нервной деятельности)» за авторством Филиппа Вениаминовича Бассина (1904–1992), известного советского нейрофизиолога и психолога. В этой монографии Бассин предложил «советское» понимание бессознательного: не отрицая существования этой «формы мозговой деятельности», ученый посвятил целую главу своей книги критике психоаналитических трактовок бессознательного. В списке приведенных обвинений значились идеализм, биологизация и, главное, ненаучность фрейдистских теорий²⁰.

Действительно, специфика взглядов Бассина на бессознательное определяется, прежде всего, возможностью экспериментальной проверки его существования и количественной оценки индивидуальных особенностей у субъекта. Предлагая такую позитивистскую трактовку, физиолог ссылаясь на работу Дмитрия Николаевича Узнадзе (1886–1950), грузинского психолога и основателя так называемой «школы установки». Для описания «досознательной ступени психического развития» Узнадзе ввел термин «установка» — «предшествующая сознанию ступень развития психики»²¹. Установку он также определял как «целостное состояние», которое «предваряет появление определенных фактов сознания или предшествует им». Существование установок грузинский психолог доказывал экспериментально: например, он раздавал участникам своего эксперимента шары разного веса и просил их указать на руку, в которой находился более тяжелый мяч. После этого он предлагал испытуемым шары одинакового веса, однако они продолжали указывать на ту же руку, где ранее находился более тяжелый мяч. Таким образом, установка Узнадзе возникает в условиях «воздействия ситуации, в которой

²⁰ Бассин Ф. В. Проблема бессознательного: о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности / Ф. Бассин. — М.: Изд-во «Медицина», 1968. — С. 94-97.

²¹ Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Узнадзе. — СПб.: Питер, 2001. — С. 11.

человеку приходится ставить и разрешать задачи», и поскольку «в основе отдельных актов поведения» субъекта лежит установка, то иногда она предшествует сознательному или определяет его (также, как она определяет ответ участников эксперимента). Уровню установки Узнадзе противопоставлял уровень объективации, где человек задействует активную психическую деятельность — волю и мышление. Узнадзе соглашался с тем, «что бессознательное действительно существует у нас, но это бессознательное не что иное, как установка субъекта»²².

Бассин продолжал теоретические изыскания школы установки, при этом активно «экспортируя» советское бессознательное. Так, ученый вступал в полемику с западными психоаналитиками и психологами (эти дискуссии отражены в текстовом приложении к монографии 1968 года), его работы были переведены на основные европейские языки, а в 1979 году Бассин выступил в качестве одного из организаторов Тбилисского симпозиума по проблеме бессознательного, участие в котором приняли пси-специалисты и философы из Франции, США, ФРГ и других стран капиталистического и социалистического блоков.

При этом важно отметить, что среди участников «школы установки» не было монолитного консенсуса. Бассин представлял, скорее, крайне физиологическое крыло этого направления в советской психологической науке, по другую сторону находился грузинский философ Аполлон Епифанович Шерозия (1927–1981), который обогащал позитивистскую теорию установки авторской антропологией, чем-то напоминающей одновременно феноменологию и лакановский психоанализ²³.

Школа установки была активна в течение 1960-1980-х годов, в основном в Москве и Тбилиси, однако после смерти основных участников она сохранилась, скорее, как реликт в истории отечественной психологии. Тем не менее сам концепт перекочевал в другие дисциплины, в первую очередь — в позднесоветскую криминологию, в рамках которой эксперты пытались описать и выявить так называемую установку преступника. Если же мы будем рассматривать школу установки в качестве элемента особой (поздне)советской пси-функции, которая сформировалась не благодаря заимствованию

²² Там же. С. 61.

²³ Шерозия А. Е. Психика, сознание, бессознательное: к обобщенной теории психологии. / А. Е. Шерозия. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 172 с.

психоаналитических элементов, а, скорее, в результате их отрицания, мы не найдем в ней семейной трагедии: ни Эдип, ни Электра не волновали Узнадзе, Бассина, Шерозия других исследователей. Вместе с тем в этих попытках экспериментально и математически подойти к вопросу о бессознательном, описать и объяснить его, просматривается аргумент Роуза о вычисляемом субъекте, а в «установке», которая до сих пор используется в «бытовой» и популярной психологии для объяснения человеческого поведения, — тот самый дискурсивный комплекс Паркера.

В неоднородном ландшафте позднесоветской психологии и психиатрии были теории и практики, более очевидно адаптировавшие Фрейда к развитому социализму. Так, психотерапевт Абрам Моисеевич Свядоц (1914–1999) на протяжении 1960-х и 1970-х годов разработывал авторский метод лечения неврозов, который получил название «каузальная психотерапия». Вот как ее суть объясняется самим автором: «При этом методе путем длительных бесед с больным, сбора анамнестических сведений в бодрственном или гипнотическом состоянии, иногда анализа сновидений и свободных ассоциаций выявляются те реальные (не инфантильно-сексуальные) психотравмирующие переживания, которые привели к возникновению невроза и которые больному следует осознать»²⁴. Вполне понятно желание психотерапевта оградиться от «инфантильно-сексуальных» интерпретаций, что как бы должно было отличать его подход от психоанализа. Тем не менее истории болезни, иллюстрирующие применение каузальной психотерапии, связаны именно с семейными и сексуальными проблемами: «Больной Х., 28 лет, однажды, спускаясь утром по лестнице, чтобы пойти на работу, вдруг остановился, так как появилась мысль, не осталась ли дверь открытой. Вернулся, проверил — дверь была плотно закрыта. С этого времени его стало преследовать навязчивое сомнение: “Не осталась ли дверь открытой?”. При уходе Х. из дому дверь закрывалась женой на засовы, задвижки, замки и тем не менее он помногу раз в день, оставив работу, вынужден был возвращаться домой, чтобы проверить, не осталась ли дверь открытой. [...] Больной женат вторично. Первую жену очень любил, прожил с ней около 2 лет. К концу этого периода стал очень вспыльчивым, раздражительным, ворчливым. Отношения с женой стали ухудшаться. Однажды, придя домой, он нашел дверь в квартиру

²⁴ Свядоц А. М. Психоанализ и каузальная терапия / А. М. Свядоц // Вопросы психиатрии, психотерапии, сексологии. – Караганда: [б.и.], 1967. – С. 105.

открытой и на столе — записку от жены, в которой она сообщала, что ушла от него к другому. Он очень болезненно пережил это, просил ее вернуться, но она была непреклонна. Через 1 ½ года женился вторично. Брак оказался удачным. Прожили вместе около 2 лет»²⁵. А так сам Свядоц комментировал навязчивое желание больного: «В действительности же боязнь, что дверь осталась открытой, связана с переживаниями больного. Она означает в скрытой, завуалированной форме боязнь ухода второй жены. Когда ухудшились отношения с первой женой, однажды, придя домой, больной застал дверь открытой и тогда узнал, что жена его бросила. Возникла связь между представлением об открытой двери и ухода жены. Теперь, когда стали ухудшаться отношения со второй женой, появился страх потерять ее. Однако мысль о том, что вторая жена может уйти, оказалась столь тягостной, что она была подавлена, вытеснена, не нашла достаточного отражения в сознании, осталась неосознанной и прорвалась в скрытой символической форме — в виде боязни застать дверь открытой»²⁶.

Второй случай произошел с девятнадцатилетней студенткой, которая после замужества столкнулась с приступами тревоги и рвоты. Свядоц также добился выздоровления с помощью беседы: «В течение трех бесед с больной [...] установить генезис этой рвоты не удалось. Во время четвертой беседы ей предлагалось спокойно, сидя в кресле, вспоминать и говорить все, что ей придет в голову без всякого отбора. Больная долго говорила и вдруг на момент умолкла и слегка покраснела [...] После повторной просьбы больная сообщила, что в возрасте 8 лет однажды случайно увидела отвратительную сексуальную сцену между сестрой и ее женихом. Это ее сильно потрясло и вскоре вызвало рвоту. “Теперь я понимаю [...] когда мой жених меня обнимает, целует, это видимо напоминает мне о тех событиях и поэтому вызывает рвоту. Но он у меня хороший!” Наступило полное выздоровление»²⁷. В отличие от теории установки каузальная психотерапия возвращала семейную драму в основание субъективных переживаний, что сближало ее с устройством западной пси-функции. Таким образом, в самой основе практики, предложенной Свядоцем, лежала базовая психоаналитическая процедура, но в то же

²⁵ Свядоц А. М. Неврозы и их лечение / А. М. Свядоц. – М.: Изд-во Медицина, 1971. – С. 118.

²⁶ Там же. С. 119.

²⁷ Там же. С. 345.

время излечение достигалось в совершенно рекордные сроки и без оплаты со стороны пациента, что, без сомнений, отражает «социалистическую» природу каузальной терапии.

Метод Свядоша оставался нишевым в контексте позднесоветских пси-практик и пси-теорий: он использовался только для лечения отдельных случаев неврозов. Однако сам психотерапевт признавался, что в своих разработках опирался на патогенетическую психотерапию — последний советский субститут психоанализа, о котором пойдет речь в этой статье.

Патогенетическая психотерапия как способ излечения психических заболеваний была разработана психиатром и психотерапевтом Владимиром Николаевичем Мясичевым (1893–1973), занимавшим должность директора Ленинградского научно-исследовательского института им. В. М. Бехтерева с 1939 по 1973 год. Опираясь на психологию отношений, то есть понимая психику человека как продукт отношений субъекта с внешним миром, Мясичев утверждал что суть психотерапевтического метода заключается во «взаимодействии лечащего врача с больным, имеющее целью устранить болезненные расстройства путем перестройки отношений больного к тем или иным трудностям жизни, являющимся источником психогенной декомпенсации»²⁸. Патогенетическая психотерапия стремилась преодолеть излишнюю биологизацию советской психиатрии и психологии, поэтому была чувствительна к социальным условиям, в которых формировался невроз. Тем не менее, из всех представленных концепций именно психотерапия Мясичева наиболее тяготела к «семейности»: «Редкость их объясняется тем, что всякий невротик с антагонистической установкой в отношении к окружающему легко подпадает под отрицательное влияние, кроме того, семья, из которой происходит невротик, обычно неорганизована в смысле воспитания нервных детей и конфликтная ситуация осложняется педагогической, а часто и социальной запущенностью ребенка»²⁹.

Пси-дискурс, вырабатываемый Мясичевым, приобрел еще больше семейных отсылок благодаря Андрею Евгеньевичу Личко, его ученику и последователю патогенетической теории. Личко разработал собственную классификацию личностей, заимствовав у Мясичева идею о ситуативности психологической травмы. Так Личко

²⁸ Мясичев В. Н. Личности и неврозы / В. Н. Мясичев. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. – С. 14.

²⁹ Там же. С. 64.

удалось выделить различные акцентуации характера — типы личности, которые выделяются на основе «мест наименьшего сопротивления», где наиболее вероятна невротическая реакция. Свою классификацию Личко применял в первую очередь в работе с детьми и подростками а контексте проблемам непослушания, бродяжничества, алкоголизма и других форм девиантности³⁰. Патогенетическая психотерапия, усиленная классификацией Личко, обещала не только объяснение причин нежелательного поведения советских подростков, но и нормализацию или, иными словами, «семейную реадaptацию». В патогенетической психотерапии мы таким образом обнаруживаем множество сходств с капиталистической пси-функцией: семью как объясняющую модель и вместе с тем как дисциплинирующий элемент; вычислимость субъекта и возможность его классификации на основе измерения психологических признаков; наконец, автономность субъекта по отношению к обществу, в котором ему необходимо адаптироваться. Вероятно, именно поэтому польский психолог Стефан Ледер (1919–2003) называл метод Мясищева «советским психоанализом»³¹. С этим определением можно согласиться, сделав поправку на деисторизацию субъекта — иными словами, отказ видеть причину любого невроза в детской травме и последующей фиксации на ней, что характерно для патогенетической теории.

Пси-функция, которую Мишель Фуко разглядел не только в современном ему французском обществе, но и в истории XIX века, в Советском Союзе обнаруживала себя в иных формах и форматах. Если фрейдизм был дискурсом истины в капиталистических обществах, то в СССР он оставался дискурсом маргинальным и вытесняемым, но при этом парадоксально присутствующим: будь то критические заявления исследователей школы установки, частичная переработка и адаптация к контексту в рамках каузальной психотерапии или замена концептуального аппарата при сохранении некоторых логических пресуппозиций, как в случае с патогенетической психотерапией. Так элементы психоанализа — и, шире, пси-функции — с его повышенным вниманием к семье, автономности субъекта и исповедальному

³⁰ Личко А. Е. Психопатии и акцентуации личности / А. Е. Личко. — М.: Изд-во Медицина, 1983. — 256 с.

³¹ Александров А. А. Интегративная психотерапия / А. А. Александров. — СПб.: Питер, 2009. — С. 74.

монологу и, конечно, с акцентированием на роли бессознательного в человеческой психике, проявлялись в пси-теориях и пси-практиках позднего социализма. Каузальная терапия Свядоща предлагала страдающему субъекту, в личной истории которого терапевт должен был разглядеть травму, пространство для исповеди; теория установки предполагала возможность экспериментального изучения и, главное, коррекции бессознательного; патогенетическая психотерапия обещала советскому субъекту реинтеграцию в семью и общество.

Это влияние и/или сходство с пси-функцией, «обнаруженной» в капиталистических и неолиберальных обществах, однако, не следует переоценивать: и теория установки, и патогенетическая психотерапия, и каузальный анализ в СССР оставались преимущественно в тени других, более популярных способов концептуализации человеческой психики, основанных в первую очередь на механистической физиологии Павлова. Тем не менее их существование — а главное, схожесть с западными моделями — в известной степени могут объяснить ту легкость, с которой постсоветское общество встретило западные формы психологической экспертизы, что прогнозировал Николас Роуз еще в 1992 году.

Библиография

1. Lacan S. Un père, puzzle / S. Lacan. – Paris: Gallimard, 1994. – 112 p. – ISBN 2070780546.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с. – ISBN: 978-5-9757-0192-3.
3. Castel R. Le psychanalysme / R. Castel. – Paris: Francois Maspero, 1973. – 281 p.
4. Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебному году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с. – ISBN 978-5-02-026920-0.
5. Rose N. Engineering the Human Soul: Analyzing Psychological Expertise / N. Rose // Science in Context. – 1992. – Vol. 5. No 2. – P. 351–369.
6. Kelly M. Foucault on Psychoanalysis: Missed Encounter or Gordian Knot? / M. Kelly // Foucault Studies. – 2020. – No 28. – P. 96–119.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – 408 с. – ISBN 5-85962-021-7.

8. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с. – ISBN 5-85374-006-7.
9. Parker I. Discourse Analysis and Psychoanalysis / I. Parker // *British Journal of Social Psychology*. – 1997. – Vol. 36. – No 4. – P. 479–495.
10. Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране / Ю. Лернер // *Laboratoirum*. – 2011. – № 1. – С. 116–137.
11. Ты хочешь поговорить об этом? Новая психологическая культура в постсоветской Беларуси и Украине / Т. Щитцова (сост.). – Вильнюс: ЕГУ, 2014. – 358 с. – ISBN 978-9955-773-78-8.
12. Бассин Ф. В. Проблема бессознательного: о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности / Ф. Бассин. – М.: Изд-во «Медицина», 1968. – 468 с.
13. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 413 с. – ISBN 5-89357-121-5.
14. Шерозия А. Е. Психика, сознание, бессознательное: к обобщенной теории психологии. / А. Е. Шерозия. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 172 с.
15. Свядоц А. М. Психоанализ и каузальная терапия / А. М. Свядоц // *Вопросы психиатрии, психотерапии, сексологии*. – Караганда: [б.и.], 1967.
16. Свядоц А. М. Неврозы и их лечение / А. М. Свядоц. – М.: Изд-во Медицина, 1971. – 456 с.
17. Мясищев В. Н. Личности и неврозы / В. Н. Мясищев. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. – 427 с. – ISBN 978-5-458-24994-2.
18. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации личности / А. Е. Личко. – М.: Изд-во Медицина, 1983. – 256 с.
19. Александров А. А. Интегративная психотерапия / А. А. Александров. – СПб.: Питер, 2009. – 352 с. – ISBN 978-5-388-00270-9.

Psy-function in Soviet Style: Substitutes for Psychoanalysis in the USSR

Mamin Roman — master's student, Faculty of Humanities and Social Sciences, Paris-Cité University; Paris, France; email: roman.mamin@etu.u-paris.fr

Key words: psychoanalysis, psy-function, Soviet history, Freudianism, critical studies of psychoanalysis

The article considers the possibility of applying Michel Foucault's concept of «psy-function» to analyse late Soviet psychotherapeutic theories and practices. Within the framework of a critical approach, the author explores the emergence of alternatives to psychoanalysis against the background of its official prohibition in the USSR, turning to the concept of «psi-functions», which is traditionally used to describe the disciplinary role of psychological practices in Western societies and their relationship to the «discourse of truth». It is argued that other theories such as Uznadze's «theory of attitude» and Myasishchev's «pathogenetic psychotherapy» were developed in the USSR: these approaches, based on physiological and socio-psychological interpretations of the psyche, did not recognise psychoanalysis, but in some aspects offered similar mechanisms for explaining human subjectivity. This study is unique in its application of the concept of psy-function to the Soviet context. The author analyses three key Soviet theories — the school of attitudes, causal analysis and pathogenetic psychotherapy — showing how they expressed ideas about the unconscious and the desire to reduce the subject's problems to the family disposition. The article thus highlights the paradoxical role of psychoanalysis in the USSR: officially rejected, it nevertheless remained relevant through theories outwardly unrelated to Freudianism. The author proposes a reconsideration of the perception of the post-Soviet psychological space and argues that thanks to late Soviet psy-theories, society and experts were ready to accept the practices of Western psychological expertise, as predicted by British sociologist Nicholas Rose in the early 1990s. This article was prepared with the support of the SMARTS-UP scholarship programme.

References

1. Lacan S. Un père, puzzle / S. Lacan. – Paris: Gallimard, 1994. – 112 p. – ISBN 2070780546. – 408 p. – ISBN 5-85962-021-7.
2. Delez G., Gvattari F. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya [Capitalism and Schizophrenia] / G. Delez, F. Gvattari. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007. – 672 s. – ISBN: 978-5-9757-0192-3.
3. Castel R. Le psychanalisme / R. Castel. – Paris: Francois Maspero, 1973. – 281 p.
4. Foucaul M. Psihiatricheskaja vlast': kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 uchebnomu godu [Psychiatric Power: The Course of Lectures delivered at the Collège de France in the 1973–1974 academic year] / M. Foucaul. – St. Petersburg: Nauka, 2007. – 450 p. – ISBN 978-5-02-026920-0. (In Russian)
5. Rose N. Engineering the Human Soul: Analyzing Psychological Expertise / N. Rose // Science in Context. – 1992. – Vol. 5. – No 2. – P. 351–369.
6. Kelly M. Foucault on Psychoanalysis: Missed Encounter or Gordian Knot? / M. Kelly // Foucault Studies. – 2020. – No 28. – P. 96–119.
7. Foucault M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences] / M. Foucaul. – St. Petersburg: A-cad, 1994. – 408 p. – ISBN 5-85962-021-7. (In Russian)
8. Foucault M. Volja k istine: Po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti [The Will to Knowledge] / M. Foucaul. – Moscow: Kastal', 1996. – 448 p. – ISBN 5-85374-006-7. (In Russian)
9. Parker I. Discourse Analysis and Psychoanalysis / I. Parker // British Journal of Social Psychology. – 1997. – Vol. 36. – No 4. – P. 479–495.
10. Lerner Y. Tele-terapiya bez psihologii, ili kak adaptiruyut Self na postsovetском teleekrane [Tele-therapy without psychology, or how Self is adapted on the post-Soviet TV screen] / Y. Lerner // Laboratoire. – 2011. – № 1. – P. 116–137. (In Russian)
11. Ty hochesh' pogovorit' ob etom? Novaya psihologicheskaya kul'tura v postsovetской Belarusi i Ukraine [Do you want to talk about it? New Psychological Culture in Post-Soviet Belarus and Ukraine] / T. Shchitcova (sost.). – Vil'nyus: EGU, 2014. – 358 s. – ISBN 978-9955-773-78-8. (In Russian)
12. Bassin F. V. Problema bessoznatel'nogo: o neosoznavaemyh formah vysšej nervnoj dejatel'nosti [The Problem of the Unconscious: On the Unrecognized Forms of Higher Nervous Activity] / F. Bassin. – Moscow:

Izd-vo «Medicina», 1968. – 468 p. (In Russian)

13. Uznadze D. N. Psihologija ustanovki [Psychology of Set] / D. N. Uznadze. – St. Petersburg: Piter, 2001. – 413 p. – ISBN 5-89357-121-5. (In Russian)

14. Sherozija A. E. Psihika, soznanie, bessoznatel'noe: k obobshhennoj teorii psihologii. [Psychics, Consciousness, Unconsciousness: Towards a Generalized Theory of Psychology] / A. E. Sherozija. – Tbilisi: Mecniereba, 1979. – 172 p. (In Russian)

15. Svjadoshh A. M. Psihoanaliz i kazual'naja terapija [Psychoanalysis and Causal Therapy] / A. M. Svjadoshh // Voprosy psihiatrii, psihoterapii, seksologii. – Karaganda: [b.i.], 1967. – 105 p. (In Russian)

16. Svjadoshh A. M. Nevrozy i ih lechenie [Neuroses and Their Treatment] / A. M. Svjadoshh. – Moscow: Izdatel'stvo Medicina, 1971. – 456 p. (In Russian)

17. Mjasishhev V. N. Lichnosti i nevrozy [Personality and Neuroses] / V. N. Mjasishhev. – Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1960. – 427 p. – ISBN 978-5-458-24994-2. (In Russian)

18. Lichko A. E. Psihopatii i akcentuacii lichnosti [Psychopathies and Personality Accentuations] / A. E. Lichko. – Moscow: Izdatel'stvo Medicina, 1983. – 256 p. (In Russian)

19. Alexandrov A. A. Intergativnaya psihoterapia [Integrative Psychotherapy] / A. A. Alexandrov. – St. Petersburg: Piter, 2009. – 352 p. – ISBN 978-5-388-00270-9. (In Russian)